

84
433
7к/6

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ

ПОСТУПОК

СТИХИ

ТЮМЕНЬ
МИ «РУТРА»
1994

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ

433

ПОСТУПОК

Стихи

214

брошюра

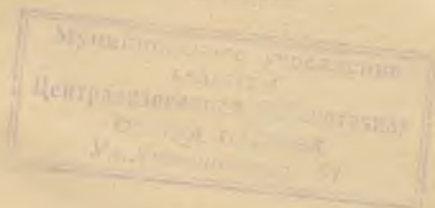
АБ
Центральная
Библиотека
г. Тюмени

Тюмень
МИ «РУТРА»
1994

216

ББК 84 Р6
Д 33

Редактор А. В. Чернышов

Copyright Н. В. Денисов, 1994

ОТ АВТОРА

Как-то от одного равнодушного человека слышал я такие слова: «Нынче нужен поступок!», Он говорил о времени нашем, которое мы единодушно признаем смутным.

Но поступок поступку — рознь. Скажем, в делах и в мыслях власть придерживающих обозначилось иное дуновение. Сообразительный деятель, привыкший держать нос по ветру, тут же спешит с инициативой о лояльности, о «всемерной поддержке», клеймит несогласных. Поступок! Оказавшись завтра совсем в другой ситуации, в другом раскладе сил, которыми вчерашнее зло фронтально отбито, инициатор опять спешит выслужиться: «Мы отольем медаль защитникам...».

Ох уж эти флюгеры конца двадцатого столетия! Поступки поэтов — это их стихи. Мы как-то привыкли к словосочетаниям: поэт-лирик, поэт-песенник, поэт-трибун! А как вам нравится такое: поэт-деляга, поэт-приспособленец? Дико звучит! Но, к сожалению, конец нашего века выплескивает на арену жизни и такие экземпляры. На бумаге эти дельцы истолковывают правильные мысли, суждения, поступками в жизни исповедуют — иное. Деловые люди!

Всегда в своей лирике я старался следовать пушкинскому завету: пробуждать чувства добрые. Но есть в поэзии и такое: «А вы, надменные потомки...». Какие уж тут «чувства добрые»? Гнев. Сарказм. Или горестное есенинское: «В своей стране я словно иностранец...».

В этой книжечке собрались стихи в основном горькие. Писались они не для услаждения слуха вчерашней партократии и нынешней ее остервенелой наследнице — демократуре. Вчера и, в особенности нынче, это еще и не безопасно. Но, как писал Ю. Фучик: «Люди, будьте бдительны!».

Собратья-поэты, будьте мужественны!

Николай Денисов.

В НЕБЕ ХОЛОДНОМ...

Вспыхнув во тьме, прочертила параболу спичка,
Кто-то нетвердо прошел на скрипучем протезе.
Гукнув на станции, в ночь унеслась электричка,
Рад одному, что хоть в душу никто не ползет.
В печке прилежно пылает дровишек беремья,
Ветка сирени скребется в морозную раму.
Время тревожное, горькое, подлое время.
Мама б жила, я пошел бы проведовать маму.
Яблок купил бы в коммерческом что ль магазине,
(Пухнут там цены на тухлых дрожжах перестройки),
Мы б посидели на кухоньке теплой у Зины,
Выпили б малость малиновой сладкой настойки.
Вспомнили б травы, как лучшую сказку о лете,
Наша покосы и яблоки нашего сада.
Лучшие дни!.. Но опять биороботы эти
Мутят Россию. Но маме об этом не надо.
Пусть она спит возле бати за рямом зеленым,
Пусть им приснится как ветер осоку колышет,
Как возле дома, поднявшись, красуются клены, —
Нашего дома с покатою шиферной крышей.
В небе холодном Большая Медведица бродит,
Иль Сатана насылает большие морозы?
Печь остывает. И пятый десяток доходит,
Как я живу. А в душе еще детские грезы.
Вынесу птицам я крошки от трапезы скудной,
Клюй, мой снегирь, и будите зарю, свиристели!

Трудно вам, милые, нынче и людям паскудно...
Правды хотели? Да все ли до правды созрели?
Мозг затуманен не столько смурной бормотухой,
Сколько трущобною лжедемократской баландой.
Недруги действуют, рушат фундаменты духа,
Скроенной тонко в чужом ателье, пропагандой.
Глянешь окрест и душа замирает от боли:
Кто-то жирует, а кто-то латает заплаты.
Милый снегирь, полетели хоть в Арктику, что ли,
Может быть, там не дотянутся к нам «демократы».

1992

ЭПОХА

У меня не дом теперь — жильё.
И сума — пакет из целлофана.
Как-то враз ушли в небытие
Бежин луг и Ясная Поляна.
Славил труд. Ославили и труд.
Красота в шипах чертополоха.
Как избрать тут праведный маршрут?
Но молчит глумливая эпоха.
Ведь пока свой проклятый табак
Я смолил над строчками, над словом,
Вновь на Русь спустили всех собак —
Наших дней — бронштейны и свердловы.
Содрогнешься, боже сохрани:
И напор, и выучка, и стойка!
Жадной сворой кинулись они
К пирогу с начинкой — «перестройка».

Да, в струю кричат про Соловки,
Да, правы — нехватка ширпотреба.
И эпоха жарит шашлыки
На огне, похищенном у неба.

1990

* * *

Отболела душа, опустела,
Дальше некуда больше пустеть.
Остается рассудку и телу
Где-нибудь в Винзилях околоть.
Или вовсе, влачась без заботы,
Как иной, притворяясь живым,
Обжираться до рвоты, икоты
По банкетным столам даровым.
Всюду рабская удаль да пьянство.
Вижу Русь колдовскую во мгле.
И душа выбирает пространство,
Нет пристанища ей на земле.
Может быть, и не худшее дело —
Вознеслась, упорхнула в зенит,
Поразмыслить над тем, что болело,
И над тем, что еще кровенит...

1969

ДРУЗЬЯМ

«Схоронить, как всех трудящихся...»

(Из распоряжения об-
комовского начальника).

...А умру, вы в обком не ходите,
Оградите от лишних помех,
В чистом поле меня схороните,
Где хоронят трудящихся всех.
Там и лягу в глухой обороне,
Там додумаю думу свою —
Ту, что я на земле проворонил,
И порою топил во хмелю.
А подступят бесовские хари,
С ними я разочтусь как-нибудь.
В одиночку, вслепую нашарю
В небеса предназначенный путь.
Снова будут дороги крутые.
И в конце, как простой пилигрим,
Постучусь во врата золотые:
«Слава Богу, добрался к своим...».

1975

В ГОСТЯХ У РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ

«Как там у нас?» — меня спросили.
И я подумал в тот момент:
Для новой «ельцинской России»
Я тоже «чуждый элемент».

Сносил хулу и от марксистов,
Теперь я вовсе — «быдло», «сброд»,
По недосмотру ельцинистов
Еще не пущенный в расход.
Но Бог судья им... Бесконечно
Течет, как речка в берегах,
Наш разговор другой — сердечный
О русских далях, о снегах,
О колокольчиках Валдая,
О вьюжных посвистах в ночи.
Вот раскричались попугаи,
А мне почудилось — грачи.
Взглянул на книги — Блок и Пушкин,
Сергей Есенин — для души.
А вон, под пальмами, церквушка,
Что возводили на гроши.
И хорошо. И встрече рады,
Еще не вечер, не итог!
И кровь взбодряет, как и надо,
Венесуэльский кофеёк.
И будет день — за все заплатят
Все эти бесы и ворьё...
Кивают Аннушка и Катя,
У них ведь женское чутьё.

1992

* * *

«Доколе матери тужить».

А. Блок.

Москва теперь о нас не тужит.
Над Спасской башней Ельцин кружит.
И бронетехника утюжит
Столичные холмы.
А вы, московские мещане,
Что так по телеку трещали,
Отчизне благо обещали,

Вы предали её.
Не зря в три дня хмельного «путча»,
С восторгом гадины ползучей,
Власть подарили своре сучей —
С картонных баррикад.
За тем ли вас, арбатских впуков,
Спас в сорок первом маршал Жуков
Да рядовой — уралец Крюков,
И мы — сибиряки, —
Чтоб вы роскошнее кутили
Да на симфонии ходили,
А в бронзе так и не отлили
Победы монумент!?

Теперь же в рыночном бедламе
Москву с церквами, куполами,
И славой, созданной не вами,
Почти втоптали в грязь.
Она ОМОНОм перекрыта,
Кавказской мафией повита,
Почти что до смерти убита,
Но где-то русский жив!
Он из глуши полутатарской
Придег с дубиною бунтарской,
Как Наши — Минин и Пожарский.
Отечество спасет.
Как вы б зело не драли глотки
На лживой телеобработке,
Придется, сматывая шмотки,
Вам драпать за кордон.

ОСЕНЬ-93

Что за времечко! С пригорка
Простираю долгий взгляд:
По Москве идет разборка,
Снова головы летят.
Над оратором — оратор!
Но от пагубы речей
Лечит «демократизатор»
Нестабильных москвичей.
Словно ворон, — крест и ряса! —
Чистит клюв Якунин Г.
Человеческого мяса
Нынче вдоволь в СНГ.
Полушьяные, косые,
Спецпричинки в поту —
Добивают Мать-Россию
С кляпом «сникерса» во рту.
Этим выдадут медали
И утешат демпайком.
Где их только подбирали,
В абортарии каком?
Ни косожец, ни Редедя,
А лакейская душа,
По Тверской на танке едет
Генерал Грачев-паша.
Едет Клинтону в угоду,
Словно ваучер, пылит,
По избранникам народа
Бронебойными палит.
Вожаков ведут в ментовку,
Для других, для прочих масс,
«Всенародный» — под диктовку
ЦРУ — строчит указ.
Так и так, мол, сэры-братцы, —

Голова о всех болит! —
Больше трех не собираться,
Как Бурбулис говорит.
Свищут «вести», словно пули:
Добивай, круши, меси!
Вот и месят и бурбулят
Ненавистники Руси.
Словом, вновь банкуют урки,
Беззакония чинят,
Собчакуют в Петербурге
И в столице ельцинят.

1993

БАЛЛАДА О ДОМЕ

Он в ночи полыхнул вдобавок,
Прибежали — с полатей, с лавок, —
Кто ведром, кто багром звеня.
Но куда там — стена огня!
Подступись тут! Рвались патроны,
Сам собой бил свинец каленый —
Из охотничьей кладовой —
Дробью крупною, нолевой.
Утром в печке, торчащей знобко,
Уцелевшей, горшок с похлебкой
Порывался — в который раз! —
Сдетонировать, как фугас.
Мы вздыхали на головешки,
Из последнего — чашки, ложки —

Погорельцу несли: возьми!
Так всегда было меж людьми.
При фашистах иль печенеггах,
Кем бы он, погорелец, не был,
Не бросали в беде. Потом
Возводили и новый дом.
Под раскатом любого грома
Русским людям нельзя без дома,
Чтоб всегда в стороне родной —
Крыша, ставни и дым печной!
Вот и встал он — былого краше! —
На пригорке, в селенье нашем,
Недалеко от большака,
Как задумали — на века.

1976

МОСКВА, МОСКВА...

Катил с какой-то кодлой воровской,
Такси летело с дьявольским нахрапом.
И шеф довез до самой до Тверской,
И три «куска» потребовал на лапу.
«Из-за бугра? — он нагло подмигнул, —
Такие шмотки — шкары и рубашка!»
Я, не торгуясь, молча отстегнул,
Он сыто взял хрустящие бумажки.
Москва, Москва! Имея рупь да грош,
В былые дни дельцу не дался б в руки.
Теперь вздохнешь, как лазаря споешь:
«Москва, Москва, как много в этом звуке!»

Куда же делась, словно испарясь,
Родная речь, привычная для слуха?
Полезло всё: распущенность и грязь,
Блатной жаргон и крайняя разруха.
Вот эта с торбой — чья-нибудь жена,
И этот — чей-то! — с нищей коркой хлеба.
А были ж реки полные вина,
Златые горы всяких ширпотребов.
Мельчает всё. И в сутолоке дня
Мелькают чаще мелкие офени.
Один из них и вычислил меня,
Интеллигентно ботая по фене:
«Державы нет! И нам придет хана,
Коль правят бал шныри и вертухаи.
Нужна РУКА! Но нет и пахана.
И весь расклад. Природа отдыхает».

1992

ДАМА С СОБАЧКОЙ

И пляж был не худший, и дачка,
Амурные были дела,
Ну, словом, как в «Даме с собачкой»,
Прекрасной и дама была.
Конечно, не столь эпохальный
Сюжет я у классика крал,
По нынешним меркам — банальный,
В ту пору он за душу брал.
Когда мы вдвоем загорали
Иль в горы ходили пешком,

Собачку гулять оставляли
С одним гражданином с брюшком.
Кивнет он и больше — ни слова,
Замкнется — ни то и ни сё.
Она ж оказалась готова,
Как пишут в романах, на всё!
Восторженным взором глядела,
И я в неё взоры вперял.
Её ненасытное тело
К утру только Эрос смирял.
Восторги и вздохи — в начале,
Доверье — в зените любви.
Но отпуск не вечен. Умчали
Мы в скучные веси свои.
Писала, как хлюпая лужей,
Сошла она в городе Н.
С натугой взглянула на мужа
И в нем не нашла перемен.
Распутица липла к подошвам,
Собачка мусолила кость...
Все это в немыслимом прошлом
Осталось. И с веком спеклось.
И море, и озеро Рица,
И пальмы, и чувственный зной.
Теперь там — насквозь! — заграница,
Распаханы пляжи войной.
Дики невоенному глазу
Системы военные «град».
А там, где трудились абхазы,
Работает зло автомат.
Где мы целовались когда-то,
Где парус белел — вдалеке,
То гильза, то каска солдата
Буреют в кровавом песке.

Сгорели беседка и дачка,
И взор под вуалью густой
Расплывчат. И сдохла собачка
С тоски — еще осенью той...

1993

ЗОЛОТОЙ ОСТРОВ

Ем бананы, валяюсь на пляже
В первый раз за трагический век.
Никакого здесь нет эпатажа,
Как нормальный живу человек.
Все стабильно: ни путча, ни рынка,
Ни пустых политических ляс.
Час-два лету до Санто-Доминго,
Двести верст и — в огнях Каракас.
По соседству фламинго гнездится,
Дозревает кокосовый сок.
Поселиться бы здесь, позабыться,
Позарыть даже память в песок.
Что еще романтичней и краше:
Затеряться вот так, запропасть,
Коль в Отечестве нашем — не наша,
Продувная, продажная власть.
В человеческом счастье иль горе
Не бывает дороги прямой.
Над лагуной Карибского моря
Взвешу все и... уеду домой.

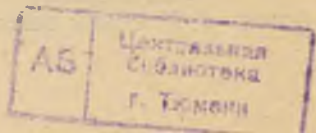
А приснится мне птица фламинго
И нектаром кокос налитой,
Вспомню остров и Санто-Доминго,
Как негаданный сон золотой.

1992

БАКШИШ

Который день гляжу на Кочин —
На чешую буддийских крыш.
Не грузят нас... И, между прочим,
Канючат грузчики бакшиш.
Завален план, поломан график,
Казенный харч жуем зазря.
Но им «до лампочки» и «на фиг»,
«До фени», проще говоря.
Лежат на стропах хитрованы,
Что им советский пароход!
Плюют, жуя свои бананы,
На всякий «классовый подход».
Лежат при всем честном народе,
Листают ветреный «Плейбой».
Бакшиш — он что-то взятки, вроде,
Или надбавки — на пропой?
Гляжу в научный том пузатый,
Четвертый пот течет с лица.
Но нет в трудах «Политиздата»
Не то чтоб справки. И — словца.
Ищу у классиков. Похоже, —
Неутешителен итог:
У Маркса нет и Энгельс тоже
Про это как-то недопек...

1984

ТУЗЕМКА

Под одежкой плоть тугая,
Взоры — тайна и глубина.
Босиком по камням ступая,
Как скульптура, идет она.
Кто она? Из какой там касты?
Или диво явилось мне?
В стороне от толпы цветастой,
От сородичей в стороне.
Не славянка во чистом поле,
А туземка во цвете лет!
Обезьяны в ветвях магнолий
Восхищенно кричат ей вслед.
Я и сам от любви сгораю,
Фантазирую на ходу.
Вот уж мысленно догоняю,
Целомудренно обнимаю,
На горячий песок кладу.
Над Бенгальским заливом ведро,
Бирюзовая синь воды.
Жаркой близостью ходят бедра,
И прибой поощряет бодро
Наши сладостные труды.
Отгорели и снова вспышка.
Над заливом летят века...
Шепчет пламенно: «Мой мальчишка!»
Завершаем свою интрижку
Аж на острове Шри Ланка.
Зной и нега в тени акаций.
И туземные спят вожди.
Никаких тебе пертурбаций.
Говорю я: «Хочу остаться!»
«Нет нельзя, морячок, иди!»
Ухожу я. Муссоны веют.

Вот-вот хлынет сезон дождей.
От Коломбо и до Корен
Буду думать, как золотеет
Тесный пламень ее груди.

1993

ПРИМЕТИЛ РАДАР СУДОВОЙ...

И вот после тьмы ножевой,
Стерильной тропической ночи,
Приметил радар судовой
Пустынный такой островочек.
Клубятся над ним облака,
Прибойная мечется пена,
Но в глубь островка — ни дымка,
Ни стойбища аборигена.
Как будто немое кино,
Фантастики будто страницы.
Такого ведь быть не должно,
Должны быть хоть звери и птицы.
Должны быть и камни могил
В тени иль под зноем палящим,
Ну хоть бы один крокодил,
Какой-нибудь слон завалящий!
Безжизнен и тих островок,
Крупинка планеты, не боле.
Всеобщий трагический рок
Пометил его биополе.
Молчит горизонт-окоем.
И мы в толчее белопенной,
Пока есть возможность, идем,
Теперь уж одни во вселенной.

1992

ЖИТЕЙСКАЯ ПОВЕСТЬ

Избыток сил не от вина —
От праздника души.
Я шел на службу и одна
Мне крикнула: «Пиши!»
Я обнял мать, отца обнял,
С друзьями покурил.
И зашагал на свой вокзал,
Такой счастливый был.
Такой огромный материк
Стелился от крыльца.
И я забыл горячий крик,
Черты ее лица.
Но поняла меня страна
И Бог меня простил.
Да заметил Сатана
И бесов напустил.
Был первый в чине старшины,
Второй алкаш -старлей.
Один — под каблуком жены,
Другой — овчарки злей:
«А ну ко мне! — и я лечу, —
Романтик, вашу мать! —
Дохнул «портвейном»,—
Растопчу!».
И ну (вдвоем) топтать.
Терпел я. Мускул не один
Не другнул на лице.
Сжимал три года карабин,
Чтоб дать салют в конце.
Прощайте все. Имею честь,
Старлей и старшина.
Я понял: в мире зла не счесть,
А Родина одна!

И снова шел вперед, вперед,
Былому не бывать.
Лет десять минуло. И вот:
— Ты счастлив?
— Как сказать...
Она возникла — хороша! —
На будничном пути.
— А ты? — заинела душа.
— А я спешу... прости...
Был день, как день,
Но, черт возьми,
Хоть жизнь напополам!
Малышка годиков семи
Звала: «Скорее, мам...»
Ей было в мире, как во сне,
Предпразднично светло.
Но оттого не легче мне.
И легче оттого.

1983

РЫНОЧНОЕ

Базар ли, рынок ли... Иду
В своем раздумии унылом:
Как в восемнадцатом году,
Торгуют спичками и мылом.
С медалью жалкий инвалид,
А рядом бабка притулилась.
И всякий выжить норовит.
А для чего, скажи на милость?

Сияют лавки да ларьки —
Кавказской мафии раздолье.
И пьют, отчаясь, мужики,
Отвыкли братья за дреколье.
Я тоже душу волочу,
Ее так долго убивали.
И ты не хлопай по плечу,
Не трать калорий, генацвале.
Замолкни, стих! Душа, замри!
На мир глаза бы не глядели.
А глянешь — ухари, хмыри
Да злые девки на панели...

1992

ПОСТПЕРЕСТРОЙКА

Не создали обещанный рай,
А облаяли русского Ваню.
Мужику — хоть ложись, помирай,
Он же строит по белому баню.
То ль чудит? То ль свихнулся сосед?
Но топорик наточен, как надо.
Тук да тук — раздается, чуть свет,
На краю мирового распада.
На пороге грядущей грозы,
Инквизиторских новых жаровен,
Ладно рубит венцы и пазы
Из подручных осинового бревен.
На снегу зеленеет кора,
Как предвестница майской полянки.

Светел Ваня в пространстве двора,
Ни до бабы ему, ни до пьянки.
И в окрестности рощ и полей
Как-то легче становится сразу.
Да и черных он тех кобелей
Называет пристойно: заразы!
Лишь на свежие раны соля,
Он невесело шутит меж делом:
«Одного да потом кобеля
Я отмою и сделаю белым».

1992

ПИГМЕИ

Орут. Орать они умеют.
Послушать — яд и белена:
«Коалы русские...» И млеют.
За это платит Сатана.
Желта их пресса. Лгут в истоме,
Играют походя с огнем.
Их принимают в «белом доме»,
Полно двурушников и в нем.
Когда глухой народный ропот
Перерастет в разящий суд,
Их не Америка с Европой,
А те же русские спасут.

1992

ЧИТАЯ ЖЕЛТУЮ ПРЕССУ

...Что ни строчка — стих иль проза! —

Перестроечная страсть.

Лучше уж к родным березам

Взором мысленно припасть.

Там сочны луга и релки,

Дали отчие чисты.

Там старинные, в околке,

Православные кресты.

Там — с оградкою-калиткой,

Цвета стали и свинца,

Со звездой над пирамидкой —

Холмик воина-отца.

Там поля мои и рощи,

Изначальная судьба...

Стоп! Опять упурь-доносчик

Сочиняет: «Русь—раба».

Вот другой статейки—козни

Ладит, злобой подогрет.

Хорошо, что «раб-колхозник»

Не читает этот бред.

Вот и давят на педали,

Сочно врут и хоть бы хны...

Ночь! Такую

ночь

украли,

Ай да — сукины сыны!

1989

ПРИДЕТ ПОРА

Твержу себе: остынь, не ратуй
За «дело дедов и отцов»,
Придет пора сверженья статуй
Последних «пламенных борцов».
Пока они в державном гриме,
Богам античности подстать,
Не так легко растаться с ними,
От мук, от сердца оторвать.
На площадях, открытых взору,
Они и нынче, как во сне,
На обновленную «Аврору»
Наводят тонкие пенсне.
В тяжелых френчах, битых молью,
В пальто, похожих на броню,
Не дай-то бог, уйдут в подполье,
Замыслят новую резню.
Уйдут и преданны и стойки —
У слабой власти на виду,
С «цепными псами перестройки»
Объединяясь на ходу.
Какие сладят нам оковы,
Какой бесовский реквизит?
Вглядитесь: холод ледниковый
В глазах их каменных сквозит.

1990

ГАВАНА

Разбитная старушка, с ней внучка иль дочь,
В ожидании рейса калякаем.
Революцией пахнет гаванская ночь,
Керосином и всячиной всякою.
Ожидание рейса. Уснуть бы, прилечь,
Но барбудосы шляются разные.
И главенствует — нет! — не испанская речь,
А российская, русская — праздная.
Сейнерили ребята. И вольную пьют.
Ты ж болваном сидишь, как потерянный,
А возникнешь под пьяную руку, убьют
И не вякнешь, как палтус ошкеренный.
Разбитная старушка, ты лучше завянь,
Дочка-внучка, отстань с разговорами,
А закрой свои ножки и зло не тарань
Рыбачков колумбийскими взорами.
За окошком тропическая канитель,
Непогодные — что ли? — условия.
Где-то спать собирается Кастро Фидель,
Парабеллум кладет в изголовие.
Ожидание рейса. Угрюмый момент.
В тесном зале мурманская лексика.
Но Россия закрыта. И Ньюфаундленд
В гололеде. Свободна лишь Мексика.
Будь что будет. Исходит кубинская ночь.
Притомились мои иностраночки.
Угнездилась старушка, а внучка иль дочь
Тянет медленно «пепси» из баночки...

1993

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕМА

Ключья пены срываются с мокрых тамбучин,
Будто шторму подкинули в топку дровец.
Сквозняками Ла-Манша простужены тучи,
В зябком Северном море идет бусенец.
Вот и все — началась европейская тема:
Дует ветер химический с Эльбы-реки,
Ждет нас Кильский канал, ждет причал Флиссингена,
В эмигрантских лавчонках нас ждут маклаки.
Это те, что давно в свои тайные ложи
Пронесли робеспьеров кровавый топор,
И в семнадцатом, вырядясь в черную кожу,
Развязали безжалостно красный террор.
Это с тех похорон еще — пышности царской,
На костях и на бедных крестьянских гробах,
Возвеличен был ими портной Володарский,
Накрывший смирительных тесных рубах.
И когда в них вели нас на скорбную плаху,
Низводили до нищенской скудной сумы,
Верховодил все тот же кагал авербахов —
На Лубянке, в управах глухой Колымы.
За баланду, за смертный отрез коленкора,
За святую идею — жила бы страна! —
Мы месили проклятый бетон Беломора,
Им Калинин в Кремле раздавал ордена.
А теперь они лгут, что к «делам» непричастны,
Торопясь во вранье — кто кого перевернет.
Сколько их советологов нынешних — гласных,
Сочиняют доносы на русский народ!
Но трудней им приходится, рыцарям рынка,
Ведь все меньше слепцов, что не помнят родства.
Наконец-то, и в недрах российской глубинки
Прозревать начинают и чудь и мордва.

Пашет волны форштевень, просевший от груза,
Ждут Марсель нас и Гамбург, и ждет Роттердам.
Жму рабочую, честную руку француза,
Жму — голландцу. А этим руки не подам...

1988

СОВНАРКОМ. ИЮЛЬ-1918

Свидетельства современников, опубликованные в печати, говорят о том, что после убийства царской семьи в Екатеринбурге, заспиртованная голова Николая II была тайно доставлена в Москву, в Кремль.

В стране содом. И все — в содоме.
Пожар назначен мировой.
И пахнет спиртом в Совнаркоме —
Из банки с царской головой.
Примкнув штыки, торчит охрана,
Свердлов в улыбке щерит рот.
А голова, качаясь пьяно,
К столу Ульянова плывет.
Он в размышленьи: «Вот и сшиблись!
Но ставки слишком высоки!»
Поздней он скажет: «Мы ошиблись!»
Но не поймут ревмясники.
В морозный день эпохи мрачной,
Да, через шесть годков всего,
Они, как в колбу, в гроб прозрачный
Его уложат самого.

И где-нибудь в подвале мгlistом,
Где меньше «вышки» не дают,
Из адской банки спирт чекисты,
Глумясь и тешась, разопьют.
И над кровавой царской чаркой,
В державной силе воспаря,
Они дадут дожрать овчаркам
Остатки русского царя.
Еще прольются крови реки
Таких простых народных масс.
Тут голова открыла веки
И царь сказал: «Прощаю вас...»
Он всех простил с последним стоном
Еще в ипатьевском плену:
Социалистов и масонов,
Убийц и нервную жену.
...Летит светло и покаянно
На небо царская душа.
И зябко щурится Ульянов,
Точа клинок карандаша.
Еще в нем удаль боевая,
Еще о смерти не грустит,
Но час пробьет... Земля сырая
Его не примет, не простит.

1990

ДА, МОЖЕТ БЫТЬ...

Мужик был трезвый, как пустой стакан.

Речной вокзал закатом был украшен.

Я речь повел, мол, видел много стран.

Он оборвал:

— А мне хватило нашей!

Я проглотил глухой обиды ком:

— Да бог с тобой, коль ты такой везучий,

Вон пароход, катись ты прямиком

На Север свой! — и кепку нахлобучил.

Как много их, копя к эпохе злость,

Бродяжа тут — при силе и при хватке,

Легко спилось и в сферы вознеслось

На нефтяной сибирской лихорадке.

— Ну, ладно, друг, ты тоже не дури! —

Он взял меня за лацкан, — ну, манеры! —

Я что скажу: да здравствуют цари —

Хранители Отечества и веры!

Я так и сел на ржавый парапет:

— Ах, боже мой, зачем такие страсти?

Какая связь?..

— Прямой как будто нет! —

Он похрустел браслетом на запястье.

И вдруг вскипел, выплескивая грусть,

И, распаясь, кричал, как будто лаял:

— Цари-то что! Поцарствовали, пусть,

Алешку жаль — парнишку Николая...

Теперь мужик сглотил обиды ком

И устремил в пространство взор колючий:

— Я сам читал, как он его — штыком,

Бандюга этот, Янкель... гад ползучий!

Со всех сторон повыползли они!

Теперь бегут, почуяли оплошку.

А было ведь — куда перстом ни ткни, —
Везде они пануют...
Жаль Алешку...
И тут он встал — большой — у лееров,
Взвалил рюкзак:
— Ну, ладно, посидели... —
Потом с борта махнул мне, — Будь здоров!
Не вешай нос, все сладится, земля...
Потом зажглись на мачтах фонари,
И, берега и воду баламутя,
Вновь донеслось: «Да здравствуют цари!».
Да. Может быть... При нынешней-то смуте.

1990

НЕ ДАМСЯ...

По сути — ханыга и гад,
Но очень идейный и бойкий,
Насел на меня «демократ»,
Я врезал бойцу перестройки.
И хрен с ним, пускай не нудит!
Тут дома — подлейшая штука:
С косою бабуля сидит,
Меня дожидается — сука.
Бухтит, что она не со зла,
Мол, ты не серчай понапрасну:
«Я просто по делу пришла, —
Приказано брать несогласных!»
Вскипел я: «Ты гонор уйми,
Хоть нынче не сахар житуха,
Не дамся...» — и хлопнул дверьми.
Надолго заткнулась старуха.

1993

ТРУДНЫЙ МОНОЛОГ

Не надейся, я не спился
И ума не растерял,
Я трудился, не ленился,
С кем попало не «кирял».
Был оседлым и бездомным,
Всяко по свету вело.
Может, был излишне скромным,
Наглым больше повезло.
Но имел свою задумку,
И она смогла помочь...
Что закис-то? Дерни рюмку
И катись отсюда прочь!

1985

РАЗМЫШЛЯЯ У ТЕЛЕВИЗОРА

...Как они сплелись, единоверцы,
Как сселись, творя раздор и блуд,
От Иуды Троцкого до Терца,
До иных воспрянувших Иуд.
Что им наши нищие старушки,
Что разор крестьянский на земле?!
Плюрализм! Оплеван даже Пушкин,
Мать-Россия предана хуле.
Что им беды Волги и Катуня,
Что священный, песенный Байкал?!
Вон опять токует на трибуне—
О свободах—ультрарадикал.

Вновь, о Русь, куют тебе вериги, —
«На, примерь!» — настойчиво долбят.
«Открестись!» — гудит Иван Великий.
«Не польстись!» — архангелы трубят.

1989

ЖУРАВЛИ

— Ах, грустно! Ах улетели журавли,
барин!

А. И. Бунин.

Журавли улетели... Ах, барин, они улетели!
Ах, Иван Алексеич... Какая пора на дворе?
То ль покойники с косами встали и вновь околели,
То ли белые с красными рубятся в кровь на заре?
И заря умерла... Только Маркса усмешка густая —
Над планетой, над Русью, как банный, как фиговый лист.
Журавли улетели. Небесная чаша пустая.
Самолеты не в счет, ненавижу их дьявольский свист.
Бабье лето еще... Паутина летит из Парижа —
Невесома, как всюду, плывет с Елисейских полей:
Поэтический троп иль живая деталь для престижа?
Это подан мне знак: проводили и там журавлей!
Так бывало и раньше. Но так вот угрюмо и люто
Не болела душа, не мрачнели стога на лугу.
Силы зла торжествуют. Вселенская тешится смута.
Журавли... Слышишь, барин?.. Я плачу, прости, не могу...

1990

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
В небе холодном...	5
Эпоха	6
«Отболела душа, опустела...»	7
Друзьям	8
В гостях у русских эмигрантов	8
«Москва теперь о нас не тужит...»	9
Осень-93	11
Баллада о доме	12
Москва, Москва	13
Дама с собачкой	14
Золотой остров	16
Бакшиш	17
Туземка	18
Приметил радар судовой...	19
Житейская повесть	20
Рыночное	21
Постперестройка	22
Пигмеи	23
Читая желтую прессу	24
Придет пора	25
Гавана	26
Европейская тема	27
Совнарком. Июль-1918	28
Да, может быть...	30
Не дамся...	31
Трудный монолог	32
Размышляя у телевизора	32
Журавли	33

Д 33

Денисов Н. В. Поступок: Стихи/ Николай Денисов; Ред. А. В. Чернышов. — Тюмень: МИ «РУТРА», 1994. — 34, [2] с.

В новую книгу стихов известного тюменского поэта Николая Денисова включены стихи последних лет.

Николай Васильевич Денисов

Поступок

Техн. редактор **В. Ч. Артуров**
Корректор **А. Л. Абызова**

ИБ № 013

Сдано в набор 8.12.1993 г. Подписано в печать 26.01. 1994 г.
Формат 70×108 1/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Объем 1,1 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 3764.

Малое издательство «РУТРА». 625051, г. Тюмень, ул. Олимпийская, 17

Отпечатано в Тюменской областной типографии облупрполиграфиздата. 625000, г. Тюмень, ул. Первомайская, 11.